

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.

Новъ. Романъ въ двухъ частяхъ Ив. С. Тургенева («Вѣстникъ Европы» 1877, № 1 и 2).

«Печатаая этотъ небольшой рассказъ и зная, что въ публикѣ ходятъ слухи о большомъ произведеніи, надъ которымъ я тружусь, я чувствую потребность обратиться къ ея снисходительности. Задуманный мною романъ все еще не конченъ; надѣюсь, что онъ появится въ «Вѣстникѣ Европы» въ теченіи нынѣшняго года; а пока — пусть не погнѣваются на меня читатели за настоящее *carpitatio benevolentiae* и пусть, въ ожиданіи будущаго, прочтутъ мой рассказъ не какъ строгіе судьи, а какъ старые знакомые—не смѣю сказать: пріатели».

Г. Тургеневъ счелъ нужнымъ сопроводить такимъ примѣчаніемъ рассказъ «Часы». Оно очень характерно, это примѣчаніе. Въ немъ выразилось и сознаніе стародавняго любимца русскаго читающаго люда, что онъ пересталъ быть любимцемъ, и грусть этого сознанія, и желаніе вернуть старыя пріятельскія отношенія, и надежда на осуществленіе этого желанія. Все очень естественныя, законныя чувства. Кто привыкъ «вязать и рѣшать», быть выразителемъ и отчасти даже «властителемъ думъ» своихъ современниковъ, кто привыкъ видѣть, какъ толпа съ волненіемъ ждетъ его слова, тому тяжело очутиться въ положеніи г. Тургенева. Кругомъ сумрачно и холодно, холодныя, чужія лица, нѣсколько даже изумленныя изыячною повелительностью манеръ бывшаго любимца. Они знаютъ, конечно, прошедшее любимца, но не переживали его съ нимъ вмѣстѣ, знаютъ только какъ совершившійся фактъ, который былъ и былъ емъ порось; а потому самоувѣренность и плавная величественность, снисходительная небрежность движеній этого человѣка для нихъ непонятны, нѣсколько даже смѣшны. Очень тоже все это естественно, но отъ того не легче развѣчанному любимцу, особенно, если онъ знаетъ, какъ знаетъ г. Тургеневъ, что старость-Далила не остригла его волосъ, что онъ—тотъ же Самсонъ, способный по старому волновать и трогать читателя. Ему непременно должно казаться, что все дѣло въ какомъ-то пустячномъ, ничтожномъ недоразумѣніи, устранить которое чрезвычайно легко тоже какимъ-то

Т. ССАХХ.—Отд. II. 21

пустякомъ, въ родѣ граціознаго жеста или пріятной улыбки. Но чортъ ихъ знаетъ, этихъ людей съ такими холодными, чужими лицами, чортъ ихъ знаетъ, въ чемъ они полагаютъ грацію и какую улыбку назовутъ они пріятною! Тутъ такъ легко попасть въ просакъ. Да и положимъ, наконецъ, что искомое найдено; нельзя же его пустить въ ходъ съ поспѣшностью чловѣка, напрашивающагося, нуждающагося. Нѣтъ, надо, конечно, показать, что возобновить или вновь установить пріятельскія отношенія очень желательно, но съ другой стороны надо все-таки сохранить отчасти видъ чловѣка, которому, собственно говоря, совершенно наплевать. И вотъ, когда этихъ надеждъ, опасеній, сомнѣній, алканій достаточно накопится на душѣ у бывшаго любимца, онъ пишетъ вышеприведенное примѣчаніе къ разсказу «Часы».

А затѣмъ онъ пишетъ «Новъ».

Охлажденіе русскихъ читателей къ г. Тургеневу ни для кого не составляетъ тайны, и меньше всѣхъ—для самого г. Тургенева. Охладила не какая-нибудь литературная партія, не какой-нибудь опредѣленный разрядъ людей—охлажденіе всеобщее. Надо правду сказать, что тутъ дѣйствительно замѣшалось одно недоразумѣніе, пожалуй, даже пустячное, которое нельзя, однако, устранить ни граціознымъ жестомъ, ни пріятной улыбкой, потому что лежитъ оно, можетъ быть, больше въ самомъ г. Тургеневѣ, чѣмъ въ читателяхъ. Г. Тургеневъ—не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ Самсонъ, но все-таки сила, навсегда вписавшая свое имя въ исторію русской литературы. Но какія странныя, невозможныя требованія предъявляются этой силѣ публикой! Русская беллетристика не клиномъ сошла на г. Тургеневѣ. Есть у насъ и другіе крупныя таланты, не ниже тургеневскаго, съ которыми, однако, читатели не обходятся такъ деспотически. Если новое произведеніе, напримѣръ, Толстого, Достоевскаго, вызываетъ иногда сожалѣніе, что авторъ взялъ не ту тѣму, которую, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, долженъ былъ взять, если даже кое-кто берется при этомъ указывать имъ сюжеты, достойныя ихъ пера, то всѣ эти требованія, сожалѣнія, указанія предъявляются примѣнительно къ свойствамъ таланта писателя или къ кругу знакомыхъ ему явленій. Въ общемъ, мы своихъ наличныхъ любимыхъ писателей знаемъ удовлетворительно. Знаемъ, на какія явленія они, по свойствамъ своихъ талантовъ, лучше всего отзываются, знаемъ что они любятъ и чего не любятъ, знаемъ, какія явленія имъ наиболѣе знакомы, и потому рѣдко предъявляемъ имъ какія-нибудь неразумныя требованія. Совсѣмъ не то съ г. Тургеневымъ. Отъ него требуется, чтобы онъ, какъ выражается полушьяный купецъ въ одномъ разсказѣ Горбунова, «ловилъ моментъ». Печатаеть, напримѣръ, г. Тургеневъ «Вешнія воды»—исторію двухъ любвей одного слабаго чловѣка: любовныя дѣла и слабые люди изучены имъ до тонкости, изображаетъ онъ ихъ мастерски, а публика говоритъ: не того мы ждали отъ Тургене-

ва! Печатаеть много другихъ вещей различнаго достоинства, а публика все свое: должень ловить моменты! Замѣчательно, что требованія эти не останавливаются даже всеобщимъ охлажденіемъ: а когда г. Тургеневъ попытается удовлетворить имъ и дать что-нибудь въ родѣ «Дыма» или «Нови», публика остается недовольна, вѣрнѣе, неудовлетворена; но развѣ только «Новь» окончательно убѣдить читателей въ несправедливости, неисполнимости и даже оскорбительности требованія: лови моментъ. Оскорбительно оно не потому, конечно, что, какъ думали когда-то и какъ думаютъ теперь развѣ какіе-нибудь пятнадцатинные критики, поэзія не обязана знать «злобы дня», что поэты «рождены для вдохновенія, для звуковъ сладкихъ и молитвъ». Собственно объ этомъ даже толковать не стоитъ, потому что гдѣ же они, эти поэты, пробавляющіеся исключительно вдохновеніемъ и сладкими звуками? Ихъ нѣтъ. Горсточка какая-нибудь старичковъ осталась, какъ справедливо замѣтилъ г. Тургеневъ въ разговорѣ съ Писаревымъ, а со времени этого разговора воды утекло еще больше. Ну, и Богъ съ ними. Но отъ г. Тургенева требуется не простая отзывчивость на то, что въ насъ и кругомъ насъ дѣлается, что насъ волнуетъ и тревожитъ. Это-то мы рассчитываемъ получить и отъ Толстого, и отъ Достоевскаго, и отъ Островскаго, и отъ Некрасова, и отъ Щедрина. Отъ г. Тургенева требуется нѣчто иное; что именно—трудно сказать, да и едва ли сами требующіе ясно себѣ представляютъ. Тургеневъ, видите ли, должень уловить каждое нарождающееся на Руси общественное явленіе (болѣе или менѣе крупное, разумѣется), въ его типичнѣйшихъ представителяхъ, проникнуться имъ, ввести его въ свою плоть и кровь и затѣмъ выпустить въ видѣ яркихъ, характерныхъ образовъ, да еще съ нѣкоторой перспективой, съ нѣкоторымъ поученіемъ на придачу. Онъ должень сказать какое-то «слово», которое вдругъ все разъяснить, всему укажетъ свое мѣсто. Ближе говоря, предлагаемая г. Тургеневу специальность состоитъ въ изображеніи такъ называемыхъ «новыхъ людей», не тѣхъ или другихъ, а вообще новыхъ, т. е. и тѣхъ, которые были новыми лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и нынѣшнихъ новыхъ. Другимъ писателямъ предоставляется вся совокупность политическихъ, экономическихъ, нравственныхъ условій, породившихъ тѣхъ или другихъ «новыхъ», а съ г. Тургенева требуются только они. Странная специальность вообще, но еще страннѣе навязывать ее именно г. Тургеневу. Г. Тургеневъ прекрасно нарисовалъ намъ нѣсколько типовъ сороковыхъ годовъ. Допустимъ, чтобы не поднимать стараго и теперь ужъ, пожалуй, празднаго спора, что въ «Отцахъ и дѣтяхъ» тоже вѣрно схвачены типическія черты «новыхъ людей» того времени. Допустимъ, наконецъ, что и «Новь» въ этомъ отношеніи безукоризненна. Ну, а если г. Тургеневу Богъ дастъ вѣку еще лѣтъ на двадцать и если къ тому времени народятся опять какіе-нибудь

новые люди—неужто же можно будетъ требовать, чтобы онъ и ихъ взвѣсилъ и смѣрилъ? Конечно, нѣтъ, и вовсе не потому, чтобы къ тому времени талантъ г. Тургенева долженъ былъ непремѣнно ослабнуть, а просто потому, что эти будущіе люди могутъ потребовать такихъ красокъ, какихъ нѣтъ и не было никогда на палитрѣ г. Тургенева. Представимъ себѣ, что эти будущіе люди будутъ какія-нибудь чрезвычайно спокойныя, «уравновѣшенныя» натуры, твердыя, не болѣющія никакой внутренней тревогой. Мы знаемъ очень хорошо, что, напримѣръ, г. Достоевскій, при всемъ своемъ огромномъ талантѣ, такихъ людей не въ состояніи изобразить. Знаемъ мы это потому, что г. Достоевскаго знаемъ, свойства его таланта знаемъ. А г. Тургенева мы не только не знаемъ, хотя объ немъ писано больше, чѣмъ объ комъ-нибудь, а и знать не хотимъ. Иначе мы не создали бы для него странной специальности «новыхъ людей», а всякій разъ присматривались бы, таковы ли эти новые люди, чтобы могли подойти подъ особенности таланта г. Тургенева. Но этого мало: тутъ не въ одномъ талантѣ дѣло. Для поэтическаго воспроизведенія какого бы то ни было явленія нужно, во-первыхъ, чтобы художнику оно было знакомо, и чтобы, во-вторыхъ, оно имѣло съ нимъ какія-нибудь нравственныя связи, чтобы оно ему было дорого или ненавистно, возбуждало въ немъ сочувствіе, отвращеніе, презрѣніе, уваженіе, негодованіе—что-нибудь. Относительно г. Тургенева мы рѣшительно не интересуемся соблюденіемъ этихъ двухъ необходимѣйшихъ условій. Знаетъ онъ или не знаетъ «новыхъ людей», ищетъ ли онъ къ нимъ какія-нибудь опредѣленныя чувства, или они для него просто совсѣмъ чужіе люди—мы съ этимъ не справляемся. Мы твердимъ свое оскорбительное: лови моментъ! Оскорбительно оно не только потому, что въ немъ выражается вообще неуваженіе (безсознательное, конечно) къ личности г. Тургенева, но и потому въ частности, что оно предполагаетъ въ г. Тургеневѣ такое крайнее легкомысліе и такое недостойное его таланта популярничанье, которое заставитъ его сунуться во всякую воду, не спросивъ броду. Факты на лицо. Всѣмъ извѣстно, что г. Тургеневъ давно уже живетъ за границей, наѣзжая въ Россію въ два года разъ на мѣсяць, на полтора. Нельзя, конечно, сказать, чтобы онъ порвалъ всѣ нравственныя связи съ своимъ отечествомъ; старыя связи, вѣроятно, болѣе или менѣе сохранились, но ужъ можно навѣрное сказать, что новыхъ связей онъ никакихъ не устроилъ. Все, наиболѣе интимное въ русской жизни за послѣднее время, ему и незнакомо, и нравственно чуждо. Нынче дѣлтомъ онъ самъ говорилъ нѣкоему г. П.: «Въ настоящее время многіе близкіе мнѣ люди даже вовсе не знаютъ порусски». Тѣмъ не менѣе высказывались и въ печати надежды встрѣтить въ «Нови» какое-то откровеніе. Существуетъ, правда, странный предразсудокъ, будто художнику, поэту не нужно короткое знакомство съ предметомъ его картинъ, такъ какъ, де-

скать, въ его распоряженіи имѣется таинственная сила «вдохновенія», «поэтическаго чутья», восполняющая недостатокъ знанія. Но это — нагѣлость, противорѣчащая и здравому смыслу, и наукѣ. Изъ ничего — ничего и не будетъ. Мы знаемъ, что величайшіе художники были вмѣстѣ съ тѣмъ и труженниками, изучавшими свои сюжеты съ неменьшимъ тщаніемъ, чѣмъ какой-нибудь великій ученый свой предметъ. Поэту приходится ставить своихъ героевъ въ самыя разнообразныя положенія, а для этого онъ долженъ знать ихъ вдоль и поперекъ, и безъ такого знанія его не выручить никакое вдохновеніе. Въ какое же положеніе ставить публика г. Тургенева, требуя отъ него художественнаго изображенія дѣлъ и людей, ему незнакомыхъ, чужихъ?

Но г. Тургеневъ принимаетъ это положеніе и тѣмъ самымъ оправдываетъ оскорбительное къ нему отношеніе массы читателей. Если нельзя прямо сказать, что ему принадлежитъ починъ въ этомъ прискорбномъ недоразумѣніи, то во всякомъ случаѣ онъ не сдѣлалъ ни одного прямого шага для его устранения. Ему предстояло одно изъ двухъ: или учиться, т. е. изучать намѣченныя имъ для поэтической обработки явленія, изучать долго, упорно, внимательно, а не изъ прекраснаго парижскаго далека, или откровенно отказаться отъ этой поэтической обработки. При его склонности къ публичнымъ заявленіямъ о своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, онъ могъ бы даже, въ какомъ-нибудь примѣчаніи или въ письмѣ въ редакцію «Вѣстника Европы», довести до общаго свѣдѣнія что-нибудь въ такомъ родѣ: «зная, что въ публикѣ ходятъ слухи о новомъ моемъ произведеніи, написанномъ будто бы на тѣму «нѣкоторыхъ новыхъ явленій среди нашей молодежи», считая нужнымъ сказать, что явленія эти имѣю очень мало извѣстны, а потому и воспользоваться ими я не могу». Но г. Тургеневъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Онъ просто написалъ «Новь». Онъ имѣлъ, конечно, свои резоны, но, говоря по совѣсти и съ полнымъ уваженіемъ къ уму и таланту г. Тургенева, трудно понять эти резоны вѣв легкомысленнаго желанія удовлетворить неразумному запросу.

Содержаніе новаго романа г. Тургенева, конечно, всѣмъ извѣстно и рассказывать его не стоитъ. Написанъ онъ на тѣму революціоннаго «хожденія въ народъ». Намъ, въ Россіи живущимъ, трудно судить о степени вѣрности лицъ «Нови» и ихъ дѣлъ. Знаемъ мы эти дѣла только по слухамъ, да изъ нѣкоторыхъ политическихъ процессовъ. Но такъ какъ мы живемъ въ Россіи, то незнаніе наше все таки, по крайней мѣрѣ, не превышаетъ незнанія г. Тургенева, а потому кое-какія соображенія для оцѣнки «Нови» у насъ есть. У насъ есть, во-первыхъ, данныя для оцѣнки нѣкоторыхъ подробностей, частныхъ, не играющихъ существенной роли въ романѣ, но не безынтересныхъ. Напримѣръ, въ романѣ фигурируетъ нѣкая дѣвица Машуринна, очень некрасивая, между прочимъ. Вотъ какъ говорить объ ней авторъ: «Года пол-

тора тому назадъ, она бросила свою родную, дворянскую небогатую семью въ южной Россіи, прибыла въ Петербургъ съ шестью цѣловыми въ карманѣ; поступила въ родовспомогательное заведеніе и безустаннымъ трудомъ добилася желаннаго аттестата. Она была дѣвица... и очень цѣломудренная дѣвица. Дѣло не удивительное! скажете иной скептикъ, вспомнивъ то, что сказано объ ея наружности. Дѣло удивительное и рѣдкое! позволимъ себѣ сказать мы». Этими словами г. Тургеневъ «позволилъ себѣ сказать» просто неправду, основываясь, конечно, на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ ему кѣмъ-нибудь изъ Россіи. За неимѣніемъ статистики цѣломудрія (вотъ бы хорошо завести, всякій бы зналъ, по крайней мѣрѣ!), нельзя этого доказать; но всѣ мы, живущіе въ Россіи, тѣмъ не менѣе, знаемъ, что Машурина съ этой стороны вовсе не составляетъ чего-нибудь «рѣдкаго и удивительнаго». Бываетъ это часто. Такихъ мелочей, гдѣ мы, по необходимости ближе стоящіе къ дѣлу, можемъ съ удобствомъ провѣрить показанія г. Тургенева, можно найти немало. Но Богъ съ ними, съ мелочами. Ошибка въ фальшь не ставится. Одно только можно сказать: какое намъ дѣло до цѣломудрія госпожи Машуриной и какіе ужъ мы съ г. Тургеневымъ контролёры чужаго цѣломудрія?

Ошибка въ фальшь не ставится. Но фальшь ужъ непременно въ счетъ идетъ. А и для этого у насъ, русскихъ читателей, есть не то, что опредѣленные, объективные данныя, хотя есть и они, а, такъ сказать, данныя субъективные, внутри насъ лежащія.

Политическіе процессы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Правительство естественно озабочивается присканіемъ мѣръ протѣвъ этого рода преступленій. Интересуются ими газеты, интересуется общество. Всѣ хотятъ знать, въ чемъ же дѣло? гдѣ причины этихъ революціонныхъ попытокъ? почему они направлены именно такъ, а не иначе? Всѣ стараются разрѣшить эти вопросы, кто—про себя, кто—публично. Вотъ, напримѣръ, г. Достоевскій, въ декабрьскомъ номерѣ своего «Дневника», объясняетъ дѣло утратою вѣры въ безсмертіе души. Другіе указываютъ на причину на разложіе семьи, утратившей возможность или желаніе направлять своихъ младшихъ членовъ къ строго легальнымъ цѣлямъ. Третьи укажутъ на условія школьнаго воспитанія и образованія. Четвертые, на экономическія условія—и т. д. При всемъ разнообразіи этихъ объясненій, въ нихъ есть одна общая черта: они ищутъ корня дѣла, его общественныхъ причинъ. Это понятно. Каждому русскому естественно искать общихъ причинъ этихъ явленій. Братъ Ивана Сидорова, мужъ Марьи Ивановой, тетка Сидора Иванова интересуются личною судьбою своихъ родственниковъ и подыскиваютъ въ ихъ жизни причины ихъ революціоннаго увлеченія. Но вообще-то говоря, эти личные исторіи Ивана Сидорова и проч. въ такомъ только случаѣ интересны, если въ нихъ содержится хоть намекъ на исторію

общую. Естественно было бы ждать чего-нибудь подобного и от романа г. Тургенева. Къ сожалѣнiю, это не вошло въ его задачу. На то была, конечно, его добрая воля; но дѣло въ томъ, что, вслѣдствiе этого, его романъ въ значительной степени утрачиваетъ свой *raison d'être*.

Всѣ дѣйствующiя лица «Нови» являются въ извѣстномъ смыслѣ вполне готовыми, что, мимоходомъ сказать, придаетъ имъ какую-то деревянность. Процессъ образованiя идей и чувствъ, толкнувшихъ ихъ на опасную дорогу, или совсѣмъ скрыть (Машуринъ, Остроумовъ, Соломинъ), или коротенько рассказанъ «словами», да и то очень неполно. Возьмемъ что есть.

Маркеловъ (фигура едва ли не самая яркая и законченная) «воспитывался въ артиллерiйскомъ училищѣ, откуда вышелъ офицеромъ; но уже въ чинѣ поручика онъ подалъ въ отставку, по неприятности съ командиромъ-нѣмцемъ. *Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ нѣмцевъ, особенно русскихъ нѣмцевъ.* Отставка разстроила его съ отцемъ, съ которымъ онъ такъ и не видѣлся до самой его смерти, а, унаслѣдовавъ отъ него деревню, поселился въ ней. *Въ Петербургѣ онъ часто сходился съ разными умными, передовыми людьми, передъ которыми благоговѣлъ; они окончательно опредѣлили его образъ мыслей.* Читалъ Маркеловъ немного и больше все книги, идущiя въ дѣлу: Герцена въ особенности. Онъ сохранилъ военную выправку, жилъ спартанцемъ и монахомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ страстно влюбился въ одну дѣвушку; но та измѣнила ему самымъ безперероннымъ манеромъ и вышла за адъютанта—тоже изъ нѣмцевъ. Маркеловъ возненавидѣлъ также и адъютантовъ. Онъ пробовалъ писать спеціальныя статьи о недостаткахъ нашей артиллерiи, но у него не было никакого таланта изложенiя: ни одной статьи онъ не могъ даже довести до конца... *Ему вообще не везло—никогда и ни съ чѣмъ: въ кортусахъ онъ носилъ названiе неудачника.* Ясно, что Маркелова толкнули на дорогу революцiи личныя неудачи. Не поссорясь онъ съ командиромъ-нѣмцемъ, онъ продолжалъ бы себѣ служить какъ слѣдуетъ; не отбей у него невѣсту адъютантъ—онъ былъ бы, можетъ быть, прекраснымъ семьяниномъ и заботился бы о созданiи себѣ уютнаго гнѣздышка; имѣй онъ литературный талантъ, онъ писалъ бы спеціальныя статьи для военныхъ изданiй и, можетъ быть, оказалъ бы существенныя услуги отечественной артиллерiи. Но такъ какъ онъ былъ «неудачникъ», то изъ него вышелъ революционеръ. На отвратительномъ пиршествѣ у отвратительнаго Голушкина, Маркеловъ, «забарабанилъ глухимъ, злобнымъ голосомъ, настойчиво, однообразно («ни дать, ни взять—капусту рубить», замѣтилъ Павлинъ). О чемъ собственно онъ говорилъ, не совсѣмъ было понятно; слово «артиллерiя» послышалось изъ его устъ въ моментъ затiшья... онъ, вѣроятно, вспомнилъ тѣ недостатки, которые открылъ въ ея устройствѣ. Досталось также нѣмцамъ и адъютантамъ».

Неждановъ, которымъ авторъ особенно занятъ, является въ романѣ даже больше, чѣмъ готовымъ. Онъ чуть не на первой страницѣ завлаетъ свой скептицизмъ, свое желаніе отойти отъ дѣла, въ которое пересталъ вѣрить. Но ни процесса этого разочарованія, ни предшествующаго процесса «очарованія» мы не знаемъ. Все дѣло, повидимому, въ томъ, что Неждановъ—незаконный сынъ вельможи и очень этимъ тяготится, такъ тяготится, какъ это рѣдко бываетъ на Руси, особенно въ томъ кругу, гдѣ вращается Неждановъ. Такимъ образомъ, единственнымъ источникомъ революціоннаго пыла Нежданова оказывается его двусмысленное общественное положеніе. Опять—чисто личная жизненная неудача.

Маріанна. Къ этой дѣвушкѣ г. Тургеневъ относится нѣскольکو милостивѣе или, вѣрнѣе, по поводу нея онъ отнесся милостивѣе къ читателямъ. Романъ, въ которомъ изображаются только «поступки», рядъ дѣйствій, безъ внутренняго, психическаго развитія персонажей, былъ бы очень плохъ, даже въ чисто художественномъ смыслѣ. Въ прежнихъ романахъ г. Тургенева, какъ и въ большинствѣ романовъ, это внутреннее, психическое развитіе сосредоточивалось на процессахъ и перипетіяхъ любви. Постепенное разгораніе или потуханіе страсти, разныя столкновенія на этой почвѣ привывали къ себѣ вниманіе читателя и заставляли его съ интересомъ слѣдить даже за пустячными вѣшними дѣйствіями, «поступками». «Новъ»—романъ политическій, а потому въ немъ психическое движеніе должно хоть отчасти основываться на политическихъ мотивахъ. Но, какъ сказано, всѣ дѣйствующія лица «Нови» оказываются въ этомъ отношеніи точно замороженными. Насчетъ движенія любовнаго мы получаемъ матеріалу очень достаточно: какъ въ госпожѣ Снягиной поднимается и быстро падаетъ неопредѣленное влеченіе къ Нежданову, какъ зарождается и растетъ въ Неждановѣ любовь къ Маріаннѣ, какіе разнообразные оттѣнки принимаетъ послѣдовательно склонность Маріанны сначала къ Нежданову, а потомъ къ Соломину. Но какъ зарождаются, растутъ, падаютъ чувства и идеи политическія, это остается въ туманѣ. Только Маріанна составляетъ маленькое исключеніе, очень маленькое, хотя авторъ приложилъ даже особенное стараніе къ выясненію ея образа съ этой стороны. Отецъ Маріанны былъ сосланъ за позаймствованіе изъ казеннаго сундука въ Сибирь. Дядя Снягининъ пріютилъ Маріанну у себя, но она всегда таготилась этимъ покровительствомъ, съ болью помнила, что она—«дочь обезчещеннаго отца», что она живетъ изъ милости и что госпожа Снягина есть ея «покровительница», хотя и «невольная». И вотъ эта гордая, оскорбленная, озлобленная дѣвушка, представляющая нѣчто въ родѣ кучи горячаго матеріала, которая ждетъ только искры со стороны, чтобы вспыхнуть—сталивается съ Неждановымъ, тоже гордымъ, оскорбленнымъ и озлобленнымъ. Въ одну изъ своихъ свѣтлыхъ минутъ, Неждановъ, подымаемый

любовью къ Маріаннѣ и вообще «взвинченный», какъ выражается объ немъ г. Тургеневъ, краснорѣчиво, съ жаромъ раскрываетъ свои революціонныя тайны и планы.

«Она его слушала внимательно, жадно; на первыхъ порахъ она изумилась... Но это чувство тотчасъ исчезло. Благодарность, гордость, преданность, рѣшимость—вотъ чѣмъ переполнилась ея душа. Ея лицо, ея глаза засіяли; она положила другую свою руку на руку Нежданова, ея губы раскрылись восторженно... Она вдругъ страшно похорошѣла.

«Онъ остановился, наконецъ, глянулъ на нее и какъ будто впервые увидалъ *это* лицо, которое въ то же время было и дорого ему, и такъ знакомо. Онъ вздохнулъ сильно, глубоко...

«— Ахъ, какъ я хорошо сдѣлалъ, что вамъ все сказалъ! едва могли шепнуть его губы.

«— Да, хорошо... хорошо, повторила она тоже шопотомъ. Она невольно подражала ему, да и голосъ ея угасъ.—И значить вы знаете, продолжала она, что я въ вашемъ распоряженіи, что я хочу быть тоже полезной вашему дѣлу, что я готова сдѣлать все, что будетъ нужно, пойти куда прикажутъ, что я всегда всей душой желала того же, что и вы...

«Она тоже умолкла. Еще одно слово, и у нея брызнули бы слезы умиленія. Все ея крѣпкое существо стало внезапно мягко, какъ воскъ. Жажда дѣятельности, жертвы, жертвы немедленной—вотъ чѣмъ она томилась».

Съ этой минуты Маріанна становится ревностнымъ адептомъ учений кружка Нежданова, доходя при этомъ даже до совершенной глупости, потому что въ послѣдствіи постоянно пристаётъ къ Соломину: когда же вы насъ пошлете? да скоро ли вы намъ прикажете идти? А тому и посылать некуда, и приказывать нечего! Какъ бы то ни было, но вотъ единственное мѣсто во всемъ романѣ, гдѣ г. Тургеневъ пытается выяснитъ интересный моментъ пробужденія извѣстныхъ стремленій. Немного. Но и это немного сводится, въ концѣ концовъ, къ случайнымъ обстоятельствамъ личной жизни Маріанны, къ ея несчастной семейной обстановкѣ.

Такимъ образомъ, общественное явленіе сведено у г. Тургенева къ разнообразнымъ, мелкимъ, личнымъ причинамъ. Онъ, разумѣется, самъ понимаетъ, что это невѣрно, что и «червонныхъ валетовъ», на примѣръ, можно тоже представить въ видѣ вучки «неудачниковъ», ни на волосъ не объяснивъ дѣла. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать этого. Наконецъ, заключительныя слова Паклина (которому авторъ вкладываетъ много своихъ собственныхъ, тургеневскихъ шпилекъ и остроумь, а отчасти и серьезныхъ мыслей, предоставляя, впрочемъ, свое серьезное задушевное болѣе Нежданову), заключительныя слова Паклина о Соломинѣ ясно говорятъ, что какая то общія причина, общій фонъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ личныхъ исторій существуетъ. Какая причина? какой фонъ?—этого г. Тургеневъ не

знать и не хочет знать. Съ него требуютъ «новыхъ людей». Онъ исполняетъ требованіе, специализируетъ свою задачу до уровня неразумнаго заказа и, слѣдуя голосу заказчиковъ, предоставляетъ всю совокупность условій, породившихъ «новыхъ людей», другимъ, а себѣ оставляетъ только ихъ висаящія на воздухѣ личности и ихъ «поступки». Такова основная фальшь романа. Но, разъ принявъ непосильный заказъ, г. Тургеневъ естественно долженъ былъ пойти и далѣе по этой скользкой дорогѣ фальши. Человѣкъ, который берется, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, говорить о предметѣ, для него невидимомъ, какъ о видимомъ, долженъ все время разговора лавировать, многое обходить, многое совсѣмъ постороннее прилетать и т. п. Это случилось и съ г. Тургеневымъ. Замѣчательно, что всѣ *эпрующие* «новые люди» у него очень честны, но чрезвычайно тупы, тупы не случайно, а по велѣнію автора; это уже изъ того видно, что *не вѣрующимъ* (Нежданову, Соломину, Паплину) онъ въ умѣ не отказываетъ и даже цѣнитъ ихъ въ этомъ отношеніи выше мѣры. Объ Остродумовѣ Паплинѣ (очень часто alter ego самого г. Тургенева) выражается такъ: «не все же полагаться на однихъ Остродумовыхъ! Честные они, хорошіе люди, за то глупы! глупы!!! Ты посмотри на нашего пріятеля. Самыя подшвы его сапоговъ, и тѣ не такія, какія бываютъ у умныхъ людей». Машурина, Кисляковъ до такой степени глупы, что составляютъ даже мишень для остроумія автора. О Маркеловѣ прямо говорится, какъ о человѣкѣ съ «ограниченнымъ умомъ», какъ о «существомъ тупомъ». О Маріаннѣ ничего подобнаго не говорится, но ведетъ она себя положительно глупо. Все это не случайно, а непременно такъ и должно было выдти у г. Тургенева. Если вамъ закажутъ романъ изъ китайской жизни и вы будете имѣть подъ руками только кое-какіе скудные печатные матеріалы, васъ невольно потянетъ къ изображенію людей тупыхъ, ограниченныхъ, потому что ихъ несвѣдущему человѣку изобразить легче: натуры у нихъ несложныя, кругозоръ узанкій, поступки аляповатыя. Повернуть дурака можно куда угодно, безъ всякой отвѣтственности, въ душу залѣзть къ нему немудрено. Эта сплошная глупость вѣрующихъ еще особенно отбѣняется невидимымъ присутствіемъ ихъ вожака, объ которомъ только и извѣстно, что зовутъ его Василиемъ Николаевичемъ и что всѣ ему повинуются. Г. Тургеневъ, очевидно, самъ чувствовалъ, что ему не справиться съ этимъ типомъ, и потому ни разу не показалъ его читателю. Но тогда зачѣмъ же было огородъ городить?

Глупые люди были до такой степени нужны г. Тургеневу, что онъ оказался вынужденнымъ привлечь къ участію въ ихъ группахъ даже своихъ умницъ. Помните, напримѣръ, какъ Маркеловъ, Неждановъ, Паплинъ и Соломинъ посѣщаютъ Голушкина и супруговъ Субочевыхъ, это, мимоходомъ сказать, очень плохую и неизвѣстно для чего вставленную пародію ста-

росвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя. Оба эти посѣщенія составляютъ сплошную глупость, не безъ грязнаго оттѣнка въдобавокъ. Даже непонятно, какъ такіе серьезныя и умныя люди, какими авторъ желаетъ представить Соломина и отчасти Нежданова, могутъ Богъ знаетъ зачѣмъ проводить время съ «блаженными» Омушкой и Өимушкой, пьянствовать съ глупцомъ и негодяемъ Голушкинымъ, болтать при этомъ совсѣмъ неподходящія вещи въ присутствіи совершенно незнакомаго голушкинскаго приказчика, который потомъ и оказывается предателемъ. Неужто даже у умницъ не хватило смысла понять, что рекомендація Голушкина очень мало надежна? Но такова ужъ сила глупости всѣхъ изображаемыхъ г. Тургеневымъ поступковъ, что, какъ только начнутъ люди «поступать», такъ и распространяютъ кругомъ себя заразу глупости. И все это только потому, что глупыхъ легко рисовать...

Но замѣчательнѣйшую, если можно такъ выразиться, увертку г. Тургенева составляетъ личность Нежданова. Это—старый тургеневскій типъ: надломленная, «вывихнутая», раздвоенная натура, изъ «самодовъ, грызуновъ, гамлетиковъ», какъ говорить объ этихъ людяхъ Шубинъ въ «Наканунѣ» (недаромъ Павлинъ называетъ Нежданова «россійскимъ Гамлетомъ»). Онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага безъ оглядки внутрь себя. Онъ всегда идетъ не туда, куда его тянетъ, и тянетъ его не туда, куда онъ идетъ. Онъ не можетъ ничему отдаться вполне—ни любви, ни дѣятельности, ни искусству. Несчастнѣйшій человѣкъ, для котораго мучительная, микроскопически-тщательная копотня въ самомъ себѣ, въ собственной душѣ есть нормальное состояніе. А для того, чтобы перестать прислушиваться къ шуму въ собственныхъ ушахъ и отдаться, хотя бы на самое короткое время, какой-нибудь одной мысли, нераздвоенному чувству, онъ долженъ «звинтить» себя, искусственно придти въ состояніе нравственнаго опьянѣнія. Все—старья, знакомыя черты, анализомъ которыхъ г. Тургеневъ стяжалъ свои наиболѣе заслуженныя лавры. Въдобавокъ, подобно многимъ старымъ героямъ г. Тургенева, Неждановъ пасуетъ передъ любимой женщиной, оказывается много ниже и слабѣе ея. Мотивы эти изучены г. Тургеневымъ до тонкости, и надо удивляться той виртуозности, съ которою онъ ихъ разыгрываетъ. Въ изображеніи этихъ людей за г. Тургеневымъ всегда признавалась, кромѣ мастерства, еще одна особенная заслуга: въ нихъ онъ «поймалъ моментъ» ни дальше, ни ближе, какъ приснопамятныхъ сороковыхъ годовъ. Съ нихъ именно начинаются права и обязанности г. Тургенева, какъ ловителя моментовъ, и, каковы бы ни были его послѣдующіе уловы, но этотъ первый былъ очень удаченъ. Всѣ, кто ни писалъ о г. Тургеневѣ, а писали объ немъ очень многіе, разсуждали на эту тѣму и доказывали, что «гамлетики, самоды» суть типичнѣйшіе продукты эпохи. Слава «чуткости» г. Тургенева! Затѣмъ онъ пишетъ «Наканунѣ». Слава чуткости г. Тур-

генева! Онъ понялъ, что пришелъ конецъ гамлетикамъ и самоѣдамъ, что, если не въ дѣйствительности, то въ мысли современниковъ формируется новый типъ, на первый разъ, по необходимости, принимающій плоть и кровь болгарина, а не русскаго. Время летитъ дальше, и г. Тургеневъ пишетъ «Отцовъ и дѣтей». Хотя тутъ слава чуткости была провозглашена не совсѣмъ единодушно, но все-таки Базаровъ и гамлетики—небо и земля. Затѣмъ, г. Тургеневъ пишетъ «Дымъ», которымъ коптитъ все направо и налево, и, наконецъ, «Новь». Мы, русскіе читатели, пожалуй, опять готовы воспѣть хвалу чуткости, но вдругъ замѣчаемъ на авансценѣ, въ поэтическомъ центрѣ романа, «черты знакомаго лица». Да—это старый, старый знакомый, это—«лишній человѣкъ». Лишній человѣкъ говорилъ о себѣ: «Про меня ничего другого и сказать нельзя: лишній, да и только. Сверхштатный человѣкъ—вотъ и все. На мое появленіе природа очевидно не рассчитывала и, вслѣдствіе этого, обошлась со мной, какъ съ нежданнымъ и незваннымъ гостемъ. Недаромъ про меня сказалъ одинъ шутникъ, большой охотникъ до преферанса, что моя матушка мною обремизилась». А Неждановъ говоритъ: «Въ томъ-то и дѣло, что я—трупъ; честный, благонамѣренный тррупъ, коли хочешь... Какое право имѣлъ отецъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые несвойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу, да и пихнулъ ее въ воду!» Мысль жалобы, тонъ, даже выраженія почти одни и тѣже. Одно, значитъ, изъ двухъ: или г. Тургеневъ приобрьлъ совсѣмъ задаромъ репутацію чуткости своими гамлетиками и самоѣдами сороковыхъ годовъ, или оказался не очень чуткимъ въ 1876 году. Дилемма такъ проста, что и указывать на ея разрѣшеніе не стоитъ. Само собою разумѣется, что типичнѣйшіе представители интеллигенціи сороковыхъ годовъ не могутъ быть такими же типичнѣйшими представителями семидесятыхъ: слишкомъ многое измѣнилось на Руси за эти три, четыре десятиа лѣтъ. Слова нѣтъ, Неждановы возможны и теперь и даже навѣрное существуютъ. Но не все существующее можетъ занять центральное положеніе въ политическомъ романѣ. Скептикъ, да еще прирожденный скептикъ, невѣрующій, здѣсь особенно неумѣстенъ, потому что онъ—исключеніе. Можно, пожалуй, и исключеніемъ удовольствоваться, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ немъ какъ-нибудь отразилось общее правило. Напримѣръ, можно себѣ представить картину всемірнаго потопа, въ которой самого потопа нѣтъ, а есть только обитатели спасеннаго ковчега. Но въ фигурахъ этихъ спасенныхъ должны отразиться, кромѣ радости спасенія, и ужасъ пережитой опасности, и ужасъ воспоминаній о погибшихъ, и сочувствіе жертвамъ, павшимъ на глазахъ спасенныхъ, и много еще другихъ чувствъ. Возможна-ли подобная картина въ дѣйствительности, доступна ли она человѣческимъ силамъ?—пусть судятъ специалисты. Но во всякомъ случаѣ, у г. Тургенева нѣтъ ни-

чего подобнаго. Его Неждановъ—совсѣмъ исключительное исключеніе. Мы видимъ, что люди гибнутъ. Мы хотимъ знать, откуда у нихъ берется вѣра, гдѣ источникъ силы этой вѣры? Является г. Тургеневъ и съ граціозно-благосклоннымъ жестомъ говорить: я вамъ это съ удовольствіемъ покажу. И затѣмъ все наше вниманіе сосредоточиваетъ на душевныхъ мучахъ человѣка невѣрующаго, случайно попавшаго въ водоворотъ! Но мы сами виноваты, что хотъ на минуту подумали, что онъ можетъ дать что-нибудь иное. Однако, виноваты тоже, и больше даже нашего виноваты, самъ г. Тургеневъ. Какъ психологическій типъ, гамлетика ему фактически знакомы и нравственно близки: онъ съ ними росъ. Онъ перепробовалъ, для изображенія различныхъ ихъ отгѣнковъ, много разныхъ обстановокъ. Что мудренаго, если онъ захотѣлъ окружить этотъ излюбленный имъ типъ обстановкой «Нови»? Но надо было сдѣлать это откровенно. Надо было оставить Остроумовыхъ, Машуринныхъ, Маркеловыхъ и особенно Соломина, по возможности, совсѣмъ въ сторонѣ. Марианну, конечно, удалить нельзя, потому что тургеневскій Неждановъ немислимъ безъ женщины, передъ которой онъ пасуетъ. Тогда дѣло было бы ясно: авторъ взялся разрѣшить частную задачу, элементы которой ему знакомы. Можно навѣрное сказать, что г. Тургеневъ написалъ бы на эту тему прекрасную, хотъ и подновленную вещь. И въ «Нови» около Нежданова можно найти нѣсколько превосходныхъ страницъ. Но г. Тургеневъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Онъ взялся разрѣшить общую задачу, а, такъ какъ она ему не по силамъ, то онъ долженъ былъ прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ: набрасывать вуаль на многое важное и рѣзко выпячивать впередъ многое неважное. Къ числу такихъ уловокъ относится и Неждановъ. Вмѣсто того, чтобы просто и скромно пополнить свою коллекцію гамлетиковъ—гамлетикомъ-революционеромъ, онъ посадилъ его въ передній уголъ дѣлаго политическаго романа съ многозначительнымъ эпиграфомъ. Иначе онъ и не могъ поступить. Если человѣкъ взялся нарисовать лѣсъ, когда у него въ распоряженіи нѣтъ зеленой краски, такъ, конечно, въ картинѣ будутъ и красныя березы, и синія ели. Но онъ могъ не браться...

Г. Тургеневу наклѣвывалась еще одна частная задача, которую онъ, конечно, не могъ бы исполнить съ такимъ удобствомъ, какъ исторію гамлетика-Нежданова, но на которой стоить все-таки остановиться для выясненія фальши романа, какъ дѣлаго. Это—исторія Соломина. Соломинъ—совершенно противоположность Нежданова, хота, какъ и онъ, не вѣритъ въ планы своихъ товарищей. Онъ—натура дѣльная, здоровая, спокойная, «уравновѣшенная». Онъ любитъ народъ, болитъ его болями, скорбитъ его скорбями, но, будучи увѣренъ, что увлечъ народъ планами насильственнаго переворота невозможно, довольствуется «школами и прочимъ» на фабрикѣ, гдѣ служить, а, въ концѣ-концовъ, «свой заводъ имѣетъ небольшой, гдѣ-то тамъ въ Перми,

на каких-то артельных началах». Въ общей картинѣ, этотъ человѣкъ, какъ частность, могъ бы занять подобающее ему мѣсто. Такіе люди бываютъ. Ихъ душевная жизнь представляетъ значительный интересъ. Посмотрите же, что сдѣлалъ изъ Соломина г. Тургеневъ. Желая придать его дѣятельности, очень простой и очень скромной (какъ долженъ сознавать самъ Соломинъ, если онъ, дѣйствительно, «уменъ, какъ день»), многозначительный и даже нѣсколько таинственный характеръ, отъ дѣлаетъ изъ него туманную фигуру, какой-то ходячій, ошкетворенный совѣтъ. Соломинъ беретса всѣмъ совѣтовать, и всѣ его совѣтовы слушаются. Самъ авторъ устами Павлина совѣтуетъ слушаться совѣтовы Соломина. Но вѣдь, чтобы совѣтовать, надо знать дѣло, а г. Тургеневъ его не знаетъ, слѣдовательно, и подсказать Соломину можетъ только очень немного. Оттого и туманна фигура Соломина и даже совершенно неправодобна. Онъ, по рекомендаціи автора, человѣкъ честный, прямой, не виляющій, а между тѣмъ постоянно виляетъ, то есть его составляетъ вилять самъ же авторъ—стоящій въ фальшивомъ положеніи. Напримѣръ, Маріанна, по своей глупости, долженствующей изображать энтузіазмъ, пристаесть къ нему, чтобы онъ ее «послалъ». Соломинъ уговариваетъ: «Дѣло это еще не такъ скоро начнется, какъ вы думаете. Тутъ нужно еще нѣкоторое благо-разуміе. Нечего соваться впередъ, зря. Повѣрьте мнѣ». Такъ какъ, по шущему велѣнію, по тургеневскому приказанію, всѣ обязаны слушаться Соломина и вѣрить ему, то и Маріанна, не смотря на весь свой пылъ, вѣритъ. Но все-таки пристаесть. Хорошо, говорить, но вѣдь есть «подготовительныя работы... мы намъ уважите ихъ; вы только скажите намъ, куда намъ идти... Пошлите насъ! Вѣдь вы пошлете насъ?»

«— Куда?»

«— Въ народъ... куда же идти, какъ не въ народъ?»

«Соломинъ поглядѣлъ пристально на Маріанну.

«— Вы хотите узнать народъ?»

«— Да, то-есть не узнать народъ хотимъ мы только, но и дѣйствовать... трудиться для него.

«— Хорошо; я вамъ обещаю, что вы его узнаете. Я доставлю вамъ возможность дѣйствовать и трудиться для него».

Виланье и двусмысленности Соломина этимъ не оканчиваются. Маріанна опять пристаесть, уже послѣ бѣгства отъ Спящихъ, а онъ отвѣчаетъ: «Все это мы устроимъ впоследствии». Наконецъ, самъ Соломинъ входитъ во вкусъ и начинаетъ вызывать Маріанну на приставанье. Та и рада. Тогда онъ ей совѣтуетъ: «Вотъ вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему-нибудь добромъ научите; и трудно вамъ это будетъ, потому что нелегко понимаетъ Лукерья и васъ чуждается, да еще воображаетъ, что ей совсѣмъ не нужно то, чему вы ее учить собираетесь; а недѣли черезъ двѣ или три вы съ другой Лукерьей помучитесь, а пока ребѣночка вы помоее или азбуку ему покажете, или больному

лекарство дадите. «Вотъ вамъ и начало», прибавляетъ Соломинъ, давая тѣмъ понять, что въ будущемъ предстоятъ новыя совѣты, тогда какъ у него ихъ вовсе нѣтъ. Маріанна замѣчаетъ, что она мечтала о другомъ. «Вамъ хотѣлось пожертвовать собой?» спрашиваетъ Соломинъ. Глаза Маріанны заблестали: «да... да... да!» Соломинъ очень хорошо понимаетъ, въ чемъ дѣло, но быстро увертывается въ сторону, и разговоръ кончается такъ:

«— Знаете что, Маріанна... Вы извините неприличность выраженія... но по моему: шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва, и большая жертва, на которую немногіе способны.

«— Да я и отъ этого не отказываюсь, Василій Ѳедотычъ.

«— Я знаю, что не отказываетесь! Да, вы на это способны. И вы будете пока дѣлать это, а потомъ, пожалуй, и другое.

«— Но для этого надо поучиться у Татьяны!

«— И прекрасно... учитесь. Вы будете чумичкой горшки мыть, щипать курь... А тамъ, кто знаетъ? можетъ быть, спасете отечество!

«— Вы смѣтаете надо мной, Василій Ѳедотычъ.

«Соломинъ медленно потрясъ головой.

«— О, моя милая Маріанна, повѣрьте: не смѣюсь я надъ вами, и въ моихъ словахъ простая правда. Вы уже теперь, всѣ вы, русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ.

«Маріанна подняла опустившіяся глаза.

«— Я бы хотѣла оправдать ваши ожиданія, Соломинъ, а тамъ — хоть умереть!

«Соломинъ всталъ.

«— Нѣтъ, живите... живите! Это — главное».

Очевидно, Соломину совѣтовать нечего, иначе онъ не сталъ бы такъ вилать, играть словами, соскакивать съ коленъ разговора, все оставляя *quelque chose à deviner*. Онъ только исправляетъ должность совѣтника по назначенію отъ г. Тургенева, носить только титулъ совѣтника. Онъ — титулярный тургеневскій совѣтникъ. Если Маріанна этого не замѣчаетъ, такъ потому единственно, что и сама она исправляетъ должность энтузіастки по назначенію отъ г. Тургенева.

И все это только потому, что г. Тургеневъ возымѣлъ легкомысленное желаніе подать свой голось въ чужомъ для него дѣлѣ. Это не могло сойти ему даромъ, даже въ чисто-художественномъ отношеніи. Когда художникъ до такой степени связанъ сѣтью уловокъ, въ которыхъ онъ долженъ приобѣгать, дѣло плохо. Хороши въ «Нови» только нѣкоторыя страницы, гдѣ фигурируетъ Неждановъ наединѣ съ самимъ собою, съ Маріанной и въ кабацѣ. Во все остальное основная фальшь романа врывается болѣе или менѣе губительно. Замѣчательна, напри- мѣръ, та анти-художественная грубость, съ которою г. Тургеневъ вкладываетъ въ «Нови» свои собственныя мысли кому по- нало (грубость, которой въ немъ прежде не было). Такъ Павлинъ, повидимому, затѣмъ только и существуетъ, чтобы язвить

какого-то Скоронихина, который, очевидно, очень не нравится г. Тургеневу, каких-то «молодых передовых рецензентов», которыми г. Тургеневъ недоволенъ, и т. п., да еще затѣмъ, чтобы закончить романъ восклицаніемъ: «Безымянная Русь!» Такъ, Онимушка, «блаженная» старуха, выжившая изъ ума, если онъ у нея когда-нибудь былъ, только посмотрѣла на Соломина, Маркелова и Нежданова, такъ сразу и опредѣлила ихъ характеры, и притомъ столь проникательно, что совершенно совпала съ опредѣленіями самого г. Тургенева. Такъ, г. Тургеневъ, сихъ дѣлъ мастеръ, очень тонко ведетъ линію любви Нежданова и Маріанны, а Татьяна, баба, конечно, умная, но все-таки иныхъ дѣлъ мастеръ, очень быстро замѣчаетъ, что это—любовь не совсѣмъ настоящая.

Въ концѣ-концовъ, мы, русскіе читатели, не только, значить, не въ барышахъ отъ «Нови», а даже въ убыткѣ. Всѣ мы, безъ различія партій и направленій, единственно въ интересахъ разъясненія дѣла, можемъ сказать г. Тургеневу слѣдующее. Избранный имъ сюжетъ есть тоже «новъ», литературная. До сихъ поръ литература еще не рѣшилась эксплуатировать этотъ сюжетъ. Поэтому къ нему, какъ и ко всякой нови, приложимъ совѣтъ г. Тургенева, взятый имъ «изъ записокъ хозяина-агронома» для эпиграфа:

Поднимать слѣдуетъ новъ не поверхностно-скользящею сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ».

Читатель прочиталъ не критическую статью, каковая въ настоящемъ случаѣ едва ли даже возможна, а только одну изъ главъ «Записокъ профана».
